

В. И. Ермолович

ВЛИЯНИЕ РИМСКОГО ПРАВА НА РАЗВИТИЕ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА СРЕДНЕВЕКОВЫХ СЛАВЯНСКИХ СТРАН

Введение. Процесс становления права у славянских народов в древние времена был длительным, сложным, порой противоречивым, но при этом всегда самобытным. Длительный исторический период славяне регулировали возникающие правоотношения с помощью норм обычного права. При этом следует отметить, что уже в те древние времена, на заре формирования славянского этноса, отдельные славянские племена предпринимали попытки систематизации норм обычного права. К их числу относятся такие памятники права, как древнесербский «Законник правовых, обычных и моральных норм», который датируется VIII–VI вв. до н. э. [1, с. 7], «Закон Судный людем» – источник права IX в. и «Закон русский». Первое упоминание о «Законе русском» относится к 907 г. н. э. в тексте договора Древнерусского государства с Восточноримской империей [2, с. 32]. Спустя некоторое время у славян начал проявляться здоровый прагматизм в вопросе формирования отечественной правовой системы. Они начинают заимствовать интересующие их правовые нормы у соседних народов. Этому явлению в значительной степени способствовал тот факт, что многие славянские племена с древних времен жили в составе Римской империи. Они были не только знакомы с законами римского государства, но и использовали их наряду со своими правовыми обычаями для разрешения житейских коллизий. Особенно большим авторитетом нормы римского права пользовались у южных славян, проживавших на территории Балканского полуострова, у тех славянских племен, которые стали основателями средневекового Болгарского и Сербского государств в середине первого тысячелетия н. э.

Процесс становления государственности и формирования феодальных отношений у славянских народов стал мощным стимулом для развития права. Правовой обычай был уже не в состоянии регулировать многообразные отношения, возникающие как между отдельными индивидами общества, так и между личностью и обществом, личностью и государством. Этот фактор наряду с вышеназван-

ными также стимулировал развитие права молодых славянских государств, особенно норм и институтов гражданского права.

Важным и определяющим фактором в развитии отечественного гражданского права славянских народов становится рецепция норм восточноримского права, которое в рассматриваемый исторический период было уже адаптировано к условиям жизни феодального общества. Проблема рецепции норм римского права в правовые системы отдельных средневековых славянских стран уже достаточно давно нашла свое отражение в исследованиях историков права Болгарии, Сербии, Чехии, России и Беларуси, в частности в работах М. Андреева, Д. Ангелова [3], С. Новаковича [4, 5], А. Соловьева [6], Ю. Белого [7], В. Ваничека [8], Г. Розенкампа [9], И. Срезневского [10], Я. Шапова [11], В. Ермоловича [12]. Однако комплексный анализ механизма рецепции норм римского права в законодательство средневековых славянских стран предпринимается нами впервые в данной работе.

Источники римского права, реципированные в законодательство средневековых славянских стран. К числу первых источников римского гражданского права, юридические нормы которых были реципированы в право молодых славянских государств, следует отнести законодательство императора Юстиниана, «Эклогу» и «Земледельческий закон». На это нам указывают сохранившиеся списки названных правовых источников в болгарской и сербской редакциях. Например, достоверно установлено, что в IX в. н. э. в болгарском, сербском и великоморавском раннефеодальных государствах уже действовали правовые нормы Восточноримской «Эклоги», т. е. «Избранные законы империи, составленные в сокращении Львом и Константином, мудрыми и благочестивыми императорами, из Институций, Дигест, Кодекса и Новелл – Конституций великого Юстиниана с внесенными в них исправлениями в духе большого человеколюбия...» [13, с. 41]. «Эклога» была составлена и обрела юридическую силу как свод законов в 726 г. н. э. по приказу императора Льва III [14, с. 45]. На протяжении нескольких столетий «Эклога» рассматривалась как собрание действующих норм гражданского, уголовного и процессуального права не только в Восточноримской империи, но в Болгарии, Сербии и на территории Великой Моравии (Чехия). Более того, на базе правовых норм «Эклоги» в IX в. н. э. были созданы славянские отечественные источники права. В указанный период на территории Болгарии, Сербии и Великой Моравии появляется «Закон

Судный людем». Уже первые исследователи «Закона Судного людем» установили, что его первоисточником послужил титул XVII римской «Эклоги» [16, с. 40]. Составитель «Закона Судного людем» использовал и ряд других источников, например, «Кодекс Феодосия», «Правила Василия Великого» [16, с. 40].

«Закон Судный людем» дошел до нас в двух редакциях: краткой, состоящей из 32 статей, и полной, имеющей 77 статей [14, с. 47]. Краткая редакция «Закона Судного людем» является источником более раннего происхождения. Данный факт был установлен около века тому назад болгарским ученым Г. Т. Данаиловым. Результаты своего исследования он изложил в работе «Единственный памятник древнеболгарского права: «Закон Судный людем», которая увидела свет в 1901 г. в г. Софии [14, с. 47].

«Закон Судный людем» имеет упрощенную структуру. Анализируя текст, можно видеть, что статьи не группируются по определенным вопросам (отраслям и институтам права), т. е. нет еще определенной системы в изложении правовых норм. В самом начале ст. 1 предусматриваются наказания для язычников; ст. 2 и 7а регламентируют вопрос о свидетельских показаниях; ст. 3 говорит о распределении военной добычи; ст. 4–13 посвящены половым преступлениям и особенно прелюбодеянию (с рабыней-проституткой и с чужой рабыней; прелюбодеянию, совершенному монахом; женитьбе крестного сына на крестной матери; обольщению и изнасилванию девушки; сожительству с помолвленной девушкой; брак, связанный с кровосмешением; двоеженство); ст. 14 и 15 предусматривают наказания за поджог; ст. 16 регламентирует право убежища для лица, укрывшегося в церкви, а ст. 17 – самоуправство. Далее следуют: ст. 18, посвященная свидетельским показаниям родителей и детей, господ и рабов; ст. 19 – освобождению рабов; ст. 20 – свидетельствованию по слухам; ст. 21 – вероотступничеству; ст. 22 – случайной утрате взятой в наем вещи; ст. 23–30 рассматривают различные виды квалифицированной кражи (кража во время войны; кража, совершенная рабом; кража стада; похищение вещей с мертвецов и из священных мест; похищение свободного человека); ст. 31 и 32 регламентируют основания расторжения брака [17, с. 87–109].

Константин Кирилл на основе восточноримской «Эклоги» также создал для моравского государства «Судебный закон для профанов» [7, с. 98–99].

В IX в. «Эклога» была переведена на старославянский язык. В сохранившихся переводах славянской «Эклоги» налицо существенные изменения в сравнении с текстом оригинала, который был написан на греческом языке. Самым древним списком «Эклоги», который сохранился до настоящего времени, является Афинская рукопись. На ней указана дата: «март IX индиктиона 6234 г.», что соответствует 726 г. н. э. [13, с. 16]. Славянский законодатель, будь то сербский или болгарский, не слепо копировал восточноримские законы, а заимствовал их с учетом реалий своей страны, делая их пригодными к применению. Так, например, в славянской редакции «Эклоги» пропущен титул XII, в котором в восточноримской редакции «Эклоги» был изложен порядок правоприменения норм долгосрочного найма недвижимого имущества, права по которому переходят по наследству, т. е. эмфитевсис. Вряд ли следует данный пропуск считать случайным, так как в период раннего средневековья право болгар и сербов еще не регулировало общественные отношения подобного рода. Во всяком случае об этом нет сведений в источниках права.

В славянских списках «Эклоги» отсутствуют также и постановления ст. 6 и 10 титула XIV восточноримской «Эклоги», которые регламентировали порядок допроса свидетелей по гражданским и уголовным делам. Данный пропуск также не случайность, а закономерность. В феодальном праве Болгарии и Сербии в отличие от римского права не было деления процесса на гражданский и уголовный.

«Эклога» состоит из 18 титулов (глав), которые излагают важнейшие положения гражданского права: вещное право, обязательственное право и наследственное право. «Эклога» является также источником семейного, уголовного и процессуального права. По своему характеру и содержанию «Эклога» близка с законодательством императора Юстиниана. Содержание ее норм во многом заимствовано из этого древнего источника права. К числу новых положений, составляющих содержание «Эклоги», относятся и институты права, отражающие процесс крушения государственно-правового строя древнего мира и формирования новых феодальных отношений в период средневековья.

«Эклога» как источник права была известна и на территории средневековых русских государств и Великого княжества Литовского в XIII в. В пользу наших доводов свидетельствует содержание Киевского и Рязанского списков «Кормчей книги» – источника русского церковного и светского права, который датирован 1274 г. Русские ис-

следователи Г. А. Розенкампф, И. И. Срезневский и Я. Н. Щапов независимо друг от друга установили, что вышеуказанный источник является идентичной копией сербского «Номоканона святого Саввы», а точнее его Иловичского списка, который датирован 1262 г. [9, с. 109; 10, с. 139; 11, с. 135]. Выявленные нами списки «Кормчей книги», которые были выполнены на территории средневековой Беларуси (Жировичский и Пинский списки), позволили нам согласиться с точкой зрения Г. А. Розенкампфа, И. И. Срезневского и Я. Н. Щапова, что основным источником Киевского и Рязанского списков «Кормчей книги», которые имели хождение на территории России, Украины и Беларуси, был Иловичский список «Номоканона» 1262 г. В содержании проанализированных нами источников в идентичном порядке и объеме изложены фрагменты из законодательства императора Юстиниана, «Эклоги» и «Прохирона» [18, с. 240а–249а, 267б–327б; 19, с. 240а–250а, 268а–328б]. Данный факт свидетельствует в пользу того, что процесс рецепции норм римского права в право русских средневековых государств, Великого княжества Литовского и Германии шел почти одновременно.

Институты римского частного права, реципированные в гражданское право славянских стран (X–XV вв.). Теперь обратим наш взгляд на ряд основных институтов средневекового гражданского права. В средневековом гражданском праве славянских стран, как и в римском праве, важное место принадлежит статусу физического лица, его дееспособности. В средневековом гражданском праве европейских стран, в том числе и славянских, дееспособность сводилась к способности физического лица совершать правовые сделки. Широкое применение в болгарском и сербском феодальном обществе, а также в некоторых регионах Чехии в период средних веков получили некоторые нормы, заимствованные из восточнославянской «Эклоги», в которой указан конкретный возраст, требуемый для совершения различных правовых действий (бракосочетание, завещание, получение приданого и т. д.). Согласно «Эклоге» вступление в брак обуславливалось достижением 15-летнего возраста для мужчин и 13-летнего для женщин (ст. 1 титула II «Эклоги»; ст. 1 титула II славянской «Эклоги») [13, с. 45; 15, с. 121].

Мы имеем все основания утверждать, что указанные нормы были актуальны и для средневекового русского права. Только в собрании Государственного исторического музея в г. Москве в настоящее вре-

мя находится на хранении 12 рукописей «Эклоги», которые датированы XIV–XVI вв. [20]. Наиболее древний список «Эклоги», который имел хождение в русских землях, датируется XIII в. Он является составной частью Дечанского списка «Номоканона», который был реципирован в русское средневековое право из сербского источника. Указанный нами факт был установлен и получил известность благодаря исследованиям русского ученого, доктора исторических наук Я. Н. Щапова в 70-е гг. XX в. [11, с. 132].

В пользу влияния норм «Эклоги» на формирование категории правоспособности и дееспособности физического лица в праве Великого княжества Литовского свидетельствует замечание профессора Белорусского государственного университета И. А. Юхо, сделанное в монографии «Правовое положение населения Беларуси в XVI в.», которое базируется на анализе обширного ряда юридических источников. Автор утверждает, что до середины XVI в. на территории Беларуси «по церковным правилам в брак могли вступать девушки с 12–13, а юноши – с 14–15 лет» [21, с. 107]. В соответствии со Статутом ВКЛ 1566 г. брачный возраст для девушек был установлен с 15, а для юношей – с 18 лет, но в статуте 1588 г. брачный возраст для девушек вновь устанавливался с 13 лет.

У нас также есть основание утверждать, что право средневековой Беларуси является источником рецепции ряда норм римского права и для сопредельных районов Польши. Например, в праве Мазовецкого княжества брачный возраст для мужчин наступал в 15 лет, а для женщин с 12 лет [22, с. 104]. В то время как на территории других регионов Польши данный вид правоспособности наступал для мужчин с четырнадцати лет [23, с. 220], а источник средневекового германского права – «Саксонское зеркало» устанавливало брачный возраст для мужчин с 12 лет [24, с. 34].

Следовательно, «Эклога» на территории средневековых русских государств и Великого княжества Литовского так же, как и в Болгарии и Сербии, была достаточно известным источником права. В свете вышесказанного закономерным является тот факт, что Стоглавый собор в 1551 г. придал силу закона реципированной из «Эклоги» юридической норме, которая уже давно возымела фактическое применение в русском государстве.

Таким образом, брачный возраст, который в период средневековья являлся критерием наступления дееспособности для физического лица, в Русском централизованном государстве с 1551 г. наступал для

мужчин в 12 лет [25, с. 287]. Брачный возраст, установленный в Русском государстве Стоглавым собором, соблюдался до XVIII в. Он был изменен Петром I, установившим своим указом брачный возраст для мужчин – 20 лет, а для девушек – 17 [25, с. 437]. Правда, поскольку церковь ведала регистрацией браков, норма Стоглава действовала и была изменена для девушек лишь указом Святейшего Синода от 17 декабря 1774 г. Последний повысил их брачный возраст на один год, то есть до 13 лет. Окончательно это постановление было отменено царским указом от 19 июля 1830 г., согласно которому брачный возраст устанавливался для мужчин – 18 лет, а для женщин – 16 лет.

Не только несовершеннолетие, но и душевная болезнь вела в соответствии со ст. 1 титула V «Эклоги» к признанию лица недееспособным. Так, в соответствии с болгарским, русским, сербским и чешским средневековым правом завещания, составленные душевнобольным лицом, не признавались законными. Из вышеизложенного следует, что ограничения дееспособности в праве славянских стран, в соответствии с нормами римского права, устанавливались в зависимости от возраста, семейного положения, состояния здоровья (наличия или отсутствия душевных болезней) и т. д.

Обязательственные отношения, складывающиеся из договоров, в гражданском праве средневековой Болгарии, Сербии и Русских княжеств также основывались на принципах римского права, согласно которым одна сторона (продавец) обязуется передать вещь (товар) в собственность другой стороне (покупателю), а покупатель обязуется принять этот товар и уплатить за него определенную сумму денег (цену). В результате указанного вида договора продавец передает покупателю право собственности на проданную им вещь. В средневековых славянских странах участие в этом виде правоотношений широких слоев населения было существенно затруднено в силу того, что зависимое население, в первую очередь крестьяне, не могли являться полноправными участниками договорных отношений. Имущество зависимых категорий населения являлось собственностью господствующего класса – светских и духовных феодалов. Следовательно, зависимое население в средневековых славянских странах могло выступать только в роли условного владельца, который обладал ограниченной правоспособностью, в том числе и в области реализации права покупать и продавать. Реальным собственником имущества являлся феодал, который обладал правом собственности на имущество зависимого от него населения.

Из содержания постановлений «Эклоги» следует, что для заключения договора купли-продажи болгарское и сербское феодальное право не требовало соблюдения строго установленных юридических норм. К примеру, ст. 1 титула IX «Эклоги» гласит: «Письменная или устная продажа и покупка какого-либо рода и [в частности, какой-либо] вещи производится по оценке, установленной без обмана по соглашению участников. Когда же цена выплачена продавцу, а предмет торга передается покупателю, то такая продажа по изменению намерения одной из сторон не подлежит отмене. Ибо необходимо, чтобы до заключения соглашения покупатель был точно осведомлен изучением [предмета продажи] и тогда вступил в соглашение» [13, с. 58]. Значит, договор купли-продажи в праве средневековых славянских стран, как и в римском праве, осуществлялся посредством простого соглашения сторон. Он вступил в силу и порождал правовые последствия с момента достижения соглашения сторон.

Вышеизложенная норма на первый взгляд может стать основанием упрощенного понимания того, что достигнутое соглашение между продавцом и покупателем ни к чему их не обязывает, и лишь после того, как вещь передана, его условия становятся обязательными для обеих сторон соглашения. Однако не будем конкретную правовую норму рассматривать как универсальную, потому что указанная статья «Эклоги» (ст. 1 титула X славянской «Эклоги», ст. 1 титула IX восточноримской «Эклоги») [15, с. 132; 13, с. 58] регулирует только условия реализации договора купли-продажи за наличные деньги. В пользу нашего мнения свидетельствует ст. 2 титула IX «Эклоги» (ст. 2 титула X славянской «Эклоги») [13, с. 58; 15, с. 132]. Она предусматривает, что исполнению договора купли-продажи может предшествовать «испытание». В качестве одной из его форм предусматривался задаток. Задаток в рассматриваемый период трактовался как денежная сумма или какая-либо вещь, которая дается при заключении договора купли-продажи. Если договор не исполнился по вине того, кто внес задаток, виновный терял его. Если договор не исполнился по вине противной стороны, то полученный задаток должен быть возвращен в двойном размере.

Наличие задатка при заключении договора купли-продажи показывает, что заключение и исполнение договора купли-продажи не всегда совпадали во времени. Договор купли-продажи порождал обязательства сторон не в момент исполнения, а уже в момент заключения договора.

Анализ имеющихся в нашем распоряжении памятников феодального права Болгарии, Сербии, Русского государства и Великого княжества Литовского позволяет судить, что существенных ограничений для осуществления договора купли-продажи как одного из видов гражданско-правовой деятельности законодатель не устанавливал.

В условиях развития феодальных отношений институт займа формировался как составная часть залогового права. Договор займа по своему характеру отвечал интересам господствующего класса. Заимодавцами в средневековой Болгарии, Сербии, Чехии, Великом княжестве Литовском и Русском государстве, так же как и в Восточноримской империи чаще всего были представители господствующего класса – феодалы, а заемщиками обычно выступали обедневшие крестьяне. Неудивительно, что нормы «Эклоги» защищали в первую очередь интересы заимодавцев. Статья 1 титула X восточноримской «Эклоги» (ст. 1 титула X славянской «Эклоги») гласит, что заемщик не имеет права требовать отсрочки уплаты долга вследствие вражеского нашествия, морского кораблекрушения или по какой-либо другой причине [13, с. 59; 15, с. 133]. Следовательно, отсрочка долга не допускалась даже в случае таких стихийных бедствий, предотвратить которые было не в силах должника. Для средневековой Болгарии и Сербии набеги врагов были обычным явлением, и в результате таких набегов часто происходило полное разорение крестьян. Однако никакая отсрочка долга не допускалась. Заемщик должен был вернуть долг в установленный договором срок.

Широкое применение залоговых норм «Эклоги» в определенной степени объясняет ослабление обороноспособности средневекового Болгарского и Сербского государств. Массовое экономическое разорение населения вело его к экономическому и политическому закабалению представителями господствующего класса. И, как следствие, ослаблялась обороноспособность государства, так как зависимые крестьяне не обладали правом быть воинами. В связи с этим следует отметить, что в средневековом русском и чешском государствах правовые нормы «Эклоги», которые регламентировали заемные отношения, широкого применения на практике не получили. Так, например, институт займа получил в чешском средневековом государстве специфическое, самобытное развитие. Шляхта в силу натуральной формы ведения хозяйства операции с денежными расчетами проводила крайне редко. Процентные займы в Чехии были запрещены исходя из евангельской заповеди: «Mutuum date nihil inde sperantes» («И предос-

тавите долг, ничего за него не требуя»). Только в период позднего средневековья, когда денежные отношения начали играть значительную роль, чешское земское право стало допускать процентные займы, по которым нередко ставки были высоки. В 1543 г. чешский сейм принял постановление, которое регламентировало данный вид деятельности, устанавливая максимальную процентную ставку по договору займа в размере 6 % годовых [8, с. 218].

При невыполнении заемщиком своих обязательств в установленный срок в соответствии с нормами «Эклоги» кредитор после нескольких предупреждений (не менее двух) имел право продать вещи, полученные в залог от заемщика. В результате реализации предмета залога из полученной суммы кредитор имел право погасить долг заемщика исходя из условий договора займа. Указанный подход к реализации института займа в немалой степени способствовал обезземеливанию, разорению крестьян, превращению их в зависимую категорию населения. Вместе с тем постановления действующих правовых актов на территории средневековой Сербии содержали в себе некоторые попытки ограничения полномочий кредитора. Например, заимодаватель в соответствии с постановлением ст. 1 титула X славянской «Эклоги» не имел права брать в залог детей должника и привлекать их к работам, выполняемым рабами [15, с. 133]. Впрочем, указанная норма исполнялась формально.

Длительное время короли Сербии пытались сдерживать широкомасштабное разорение населения страны, которое вело к ослаблению обороноспособности государства. Осуществлялась политика сдерживания путем правового запрета церкви – потенциально сильного субъекта хозяйственной деятельности в стране – заниматься ростовщической деятельностью. Данная правовая традиция была заложена еще Святым Саввой, первым главой Сербской православной церкви, в главе 45 «Номоканона» («Кормчей книги») в 1219 г. [18, с. 219a] и получила дальнейшее развитие в Хрисовулах королей Милутина и Стефана Душана Хиландарскому монастырю. Ограничения на занятие ростовщичеством для Сербской церкви были сняты в 1388 г. на основании Хрисовула, выданного кесарем Грегуром Архангеловскому монастырю [26, с. 31].

Наряду с «Эклогой» в славянских странах эпохи средневековья был известен и получил относительно широкое применение другой источник римского права, также регламентирующий ряд обществен-

ных отношений, – «Земледельческий закон». Он был издан во времена правления императоров-иконоборцев, вероятно, в начале IX в. «Земледельческий закон» отвечал интересам формирующегося господствующего класса в недрах молодых болгарского и сербского раннефеодальных государств. «Земледельческий закон», как и «Эклога», был переведен на старославянский язык. В частности, в 1955 г. югославский историк Д. Радойчич опубликовал список южнославянской редакции «Земледельческого закона», выявленный им в архиве Хиландарского монастыря на Афоне [27, с. 15–27]. При этом текст переведенного «Земледельческого закона» был изложен письменно с учетом редакционных изменений.

В настоящее время под названием «Краткая редакция “Закона царя Юстиниана”» выявлен еще один список «Земледельческого закона» на сербском языке, которые датируется XIV в. н. э. Он связан с деятельностью Стефана Душана. Следует отметить, что в «Закон царя Юстиниана» текст «Земледельческого закона» вошел не полностью, а выборочно, лишь 16 статей. Известен и русский список «Земледельческого закона». Специалисты его датируют XII – началом XIII в., поскольку он приспособлен к древнерусскому праву указанного периода [28, с. 194].

«Эклога» и «Земледельческий закон» представляли собой правовые акты феодальной эпохи, в основе которых лежали Законы Юстиниана. В указанных источниках договор найма вещи трактовался как договор, в силу которого одна сторона уступает другой не право собственности, а только право временного пользования вещью за определенное вознаграждение. Договор заключался посредством простого соглашения сторон, без соблюдения какой-либо определенной формы. Согласно ст. 1 титула XIII «Эклоги» (ст. 1 титула XII славянской «Эклоги») [13, с. 62; 15, с. 134] договор найма не мог заключаться на срок более 29 лет.

Формирование феодальных отношений способствовало более широкому утверждению института найма (аренды) в сфере землепользования у южных славян. Поэтому в феодальной Болгарии и Сербии широкое влияние приобрел восточноримский «Земледельческий закон», который использовался наряду с «Законом царя Юстиниана» (ст. 13, 14) для регулирования отношений, связанных с землепользованием. Указанные источники права регламентировали два вида арендных отношений: испольщину и мортитство [29, с. 207–208].

При ипольщине тот, кто взял внаем для обработки участок земли, должен был отдать наймодателю половину полученного урожая. Мортит, в свою очередь, возвращал наймодателю одну десятую урожая. Это дает основание полагать, что мортит работал со своим инвентарем, засеивал землю своими семенами и т. д.

Нормы, регулирующие права и обязанности сторон по договору, защищают интересы наймодателя, который обычно был представителем господствующего класса.

Наймодатель был обязан заботиться об имуществе как хороший хозяин. «Земледельческий закон» предусматривал, что если ипольщик, который нанял для обработки какой-либо виноградник, не заботился о нем как следует, не окапывал его, не огораживал, то он ничего не должен был получать из урожая (ст. 13). Если ипольщик, нанявший поле, засеет его, не распахав предварительно, то он не получит ничего из урожая (ст. 12) [28, с. 235–236].

В «Земледельческом законе» проявлялась забота о получении прибыли землевладельцем. Согласно ст. 8, если наниматель-мортит отмерит причитающуюся наймодателю часть урожая без ведома последнего, то он (наниматель) лишается всего урожая [28, с. 235]. Здесь санкцией является не только возмещение убытков, но и полное лишение нанимателя-мортита какой бы то ни было выгоды, связанной с заключенным договором.

Статья 1 «Земледельческого закона» дает возможность ипольщику делать некоторые отступления от заключенного договора. Однако он должен сделать заявление об этом до начала работы. Предоставляя такое право, закон обеспечивал землевладельцу-наймодателю возможность самому обрабатывать свой участок земли или сдавать его внаем другому лицу. Таким образом, соблюдались государственные интересы, которые выражались в сборе налогов (десятины) и защите интересов землевладельца. Статья 13 «Земледельческого закона» гласит, что если ипольщик взял землю «исполу» у земледельца в его отсутствие (следовательно, не имеет возможности обрабатывать землю и заботиться о ней), то этот ипольщик, если он не обрабатывает земельный участок, должен уплатить наемную плату в двойном размере [28, с. 236]. Следовательно, в отсутствие наймодателя ипольщик не имеет возможности отступить от условий договора найма.

Договоры о найме рабочей силы и подряда (договор, имеющий своим предметом достижение определенного результата труда) не были широко распространены в средневековой Болгарии и Сербии.

Это объясняется тем, что господствующий класс феодалов в то время пользовался трудом зависимых (крепостных) крестьян, а государственная власть предпочитала устанавливать разнообразные повинности на своих подданных, что обеспечивало ей возможность не прибегать к широкомасштабному использованию наемной рабочей силы.

На практике чаще применялся договор подряда. Ремесленники во времена средневековья работали преимущественно по поручению заказчика, и договоры, которые определяли вид их деятельности, являлись договорами подряда. Об этом свидетельствует полная редакция «Закона Судного людем», из которого следует, что если портной испортил материал вследствие неумения шить или злонамеренности, то он должен быть избит и лишен вознаграждения.

Дарение – это договор, посредством которого одно лицо (даритель) уступает безвозмездно другому лицу (одаряемому) собственность на вещь или деньги, проявляя при этом щедрость.

Достаточно подробно процедура дарения была регламентирована в «Эклоге». Именно поэтому нормы «Эклоги» на практике получили широкое применение и в феодальной Болгарии и Сербии. Согласно «Эклоге», для того чтобы дарение было действительным, оно должно совершаться в присутствии пяти или минимум трех свидетелей. Пять свидетелей должно быть тогда, когда дарение совершается в населенном пункте. В противном случае достаточно присутствия трех свидетелей (ст. 1, 2 титула IV «Эклоги»; ст. 2 титула VI славянской «Эклоги») [13, с. 51; 15, с. 126].

Участие пяти или трех свидетелей необходимо как для письменного, так и для устного договора дарения, а также для договора, который заключается на случай смерти дарителя. Обязанность формы, которую «Эклога» устанавливает для придания законности акту дарения, следует объяснить, во-первых, тем, что дарение – это акт, с помощью которого обычно передается право собственности. Эта передача должна происходить публично, чтобы было известно, кто является собственником вещи. Во-вторых, дарение – это акт щедрости, который должен быть хорошо обдуман. Именно с этой целью, а также во избежание какого-либо обмана, ошибки, угроз и требовалось участие свидетелей. Таким способом обеспечивалась гласность и в некоторой степени гарантировалась свобода волеизъявления дарителя.

В связи с тем, что дарение – безвозмездный акт, возможности его одностороннего аннулирования были гораздо более широкими, чем возможность одностороннего расторжения других договоров. Соглас-

но правовым нормам, закрепленным в «Эклоге», дарение могло быть отменено в случаях, если одаряемый оказался неблагодарным; нанес тяжкие оскорбления или побои дарителю; причинил дарителю большое несчастье; участвовал в заговоре против жизни дарителя; не выполнил условий дарения (ст. 6 титула IV «Эклоги»; ст. 4 титула IV славянской «Эклоги») [13, с. 52; 15, с. 126].

Некоторые из этих действий не стали бы основанием расторжения договора, хотя являлись вполне достаточным основанием для одностороннего расторжения договора о дарении по воле дарителя.

Средневековое право славянских стран знало и другие виды договоров, например, товарищества. В Болгарском и Сербском средневековом праве регламентация данного вида договора также базировалась на реципированных нормах римского права. Так, содержание постановления ст. 1 титула XI восточно-римской «Эклоги» было реципировано в нормы ст. 1 титула XII славянской «Эклоги», которая содержит в себе механизм реализации договора товарищества [13, с. 60; 15, с. 132], характерного для средневековой Сербии и Болгарии. В свою очередь, известное нам постановление «Эклоги» базируется на нормах классического римского права, которые были впервые изложены в титуле II «Об иске, вытекающем из товарищества» (*Pro socio*) книги XVII «Дигестов Юстиниана» 530 г. н. э. издания [30, с. 427–439]. Данный договор представлял собой простое соглашение сторон, не требовавшее особых формальных условий. Он по своему содержанию имеет сходство с договорами купли-продажи, найма, поручения. Существенной чертой договора о товариществе является наличие общности имущества. Договор о товариществе требовал от всех его участников добросовестного исполнения взятых на себя обязательств по договору. Данный договор мог заключаться пожизненно или быть ограниченным определенным сроком.

Ликвидация товарищества происходила либо вследствие единогласного решения об этом всех членов товарищества, либо в результате одностороннего заявления о выходе из товарищества одного из его соучредителей. Оно могло быть ликвидировано и в случае смерти одного из соучредителей, если не было установлено заранее, что выбывший был обязан возместить убыток, причиненный его выходом из товарищества. В случае если имелись ранее начатые общие дела, он продолжал отвечать вместе с остальными членами товарищества за воз-

мездные убытки в данном предприятии, хотя и лишился права на участие в возможной прибыли.

Ликвидация товарищества, организованного с определенной целью, могла происходить и вследствие достижения этой цели, или если выяснялась невозможность ее достижения, или же, наконец, вследствие исчерпания средств. Товарищество могло быть ликвидировано и в результате возбуждения судебного иска одного из соучредителей против остальных соучредителей.

В «Эклоге», также как и в законодательстве императора Юстиниана, для реализации процедуры образования товарищества требовалось письменное или устное согласие между двумя или более лицами. Согласно нормам «Эклоги» участие в товариществе не требовало обязательного равенства вносимых вкладов в общее дело; допускалось учреждение товарищества и тогда, когда доли соучредителей не были равными или когда кто-либо вносил вклад, другие же – свои силы и труд [13, с. 139].

Наиболее типичным примером реализации договора товарищества в средневековой Сербии была сфера торговой деятельности. Купец, отправлявшийся в торговую экспедицию, предварительно объединял свои усилия с другим лицом, от которого получал денежный или товарный взнос. Так рождалась основная ячейка торговой деятельности, именуемая в документах того времени компанией или товариществом, которое могло выступать в форме «коллеганца», если вклад в компанию одной из сторон договора осуществлялся путем кредитования, т. е. был выражен в деньгах. Товарищество могло именоваться «роганцей», когда одна из сторон договора вносила товарный взнос в реализуемое предприятие. Но в обоих случаях одна из сторон договора вносила товарный взнос в реализуемое предприятие. При этом всегда одна из сторон договора выступала в роли исполнителя торгового поручения («трактатора»), а другая – кредитора.

Реальную практику создания подобных компаний позволяют представить нотариальные акты XIII–XIV вв. из городов Дубровника, Котора, Трогира и Задара. Наиболее типичными для средневековой Сербии являются Трогирские торговые компании. По своему численному составу они были немногочисленны, два-три участника; размер вкладов в большинстве своем был невелик, чаще всего от 23 до 120 лир, инвестиции свыше 1 тыс. лир почти не встречаются. Представители городского нобилитета обычно выступали в роли кредиторов и

вносили большие суммы, в среднем 838 лир, в то время как взносы непривилегированных горожан не превышали 116 лир [31, с. 188].

Размер денежных вкладов в торговые компании г. Задара был значительно меньшим, чем в городах Дубровнике и Трогире. В среднем они составляли от 10 до 50 лир. Крупные суммы встречаются крайне редко. Данное явление можно объяснить тем, что исполнителями непосредственных торговых операций в рамках договора товарищества в г. Задаре часто выступали не профессиональные купцы, а пожелавшие улучшить свое материальное положение ремесленники или моряки.

Значительный интерес для нас представляет практика раздела прибыли между членами товариществ подобного рода. В средневековой Сербии норма раздела прибыли была следующей: 33 % или одну треть получал кредитор и 66 % – купец-исполнитель, который ничего, кроме своего труда, не вносил в данное предприятие. Для сравнения в аналогичных итальянских компаниях XII–XIV вв. был заведен следующий порядок раздела полученной прибыли: кредитор получал львиную долю прибыли – 75 %, а купец-исполнитель только 25 % от доли полученной прибыли. Отличие весьма существенное, особенно если учесть, что оно практиковалось повсеместно на восточном побережье Адриатики. Вероятнее всего, что сербские купцы-исполнители, в отличие от итальянских, должны были за свой счет набирать и оплачивать экипажи своих кораблей. Именно этот факт дает нам объяснение о тенденции роста числа торговых товариществ в средневековых городах Сербии и всего западного побережья Балканского полуострова, где не только состоятельные купцы, нобили и судовладельцы, но и рядовые граждане, ремесленники, матросы и рыбаки, скопив несколько дукатов, стремились найти способ вложить их в организацию торговых экспедиций.

Русское средневековое право также знало порядок применения договора товарищества. Наиболее часто данный вид договора находил свое применение в сфере организации торговли. В этой связи уместно отметить, что в средневековом праве Сербии регламентация договора товарищества в основном базировалась на нормах римского права. Регламентация договора товарищества в русском средневековом праве в значительной степени базировалась на правовом обычае местного славянского населения, при этом мы не отрицаем и факта влияния римского права. В пользу данного договора свидетельствует анализ источников средневекового русского права: «Русской Правды»

и «Псковской Судебной грамоты». Так, ст. 48, 54 и 55 Пространной редакции «Русской Правды» регламентирует деятельность судебного товарищества: торговли в складчину, реализацию механизма взыскания доли своего вклада в уставный фонд товарищества и размер причитающейся прибыли [32, с. 67, 68, 100, 102, 103].

Статья 92 «Псковской Судной грамоты» регулирует порядок разрешения споров между членами товарищества в процессе его ликвидации [32, с. 340, 377].

Таким образом, для населения средневековой Сербии и русских княжеств в XII–XV вв. понятие юридического лица было уже доступно для понимания и, более того, определенная часть экономически активного населения изучаемых нами стран принимало непосредственное участие в его создании и последующем функционировании. Данный процесс осуществлялся путем практической реализации договора товарищества. При этом следует признать, что данному процессу в определенной степени способствовала рецепция норм римского права в юридические источники вышеуказанных стран. Например, Византийский «Номоканон» – сборник правил церковных соборов IV–VII вв., правил епископов и установлений о церкви императоров Восточноримской империи был основным источником церковного и гражданского права Восточноримской империи, Болгарии и Сербии в XI–XIII вв., а также являлся вспомогательным источником права на Руси в указанный период. В пользу нашего довода свидетельствует русская редакция «Номоканона», получившая название «Ефремовской Кормчей».

В 1219 г. глава сербской православной церкви, епископ, ставший известным в истории под именем святого Саввы, и его родной брат, король Сербии Стефан Первовенчанный подготовили отечественную сербскую редакцию «Номоканона» на старославянском языке. Этот свод церковного и светского права в славянском мире часто называют «Кормчей книгой». Начиная с XIII в. сербская редакция «Кормчей книги» или «Номоканона» была широко известна как источник церковного и гражданского права в русских землях. Только в архивах современной России находится на хранении свыше 30 списков сербской редакции «Номоканона», которые датированы XIII–XVI вв. [11, с. 132]. Следовательно, «Эклога» в средневековой Руси так же, как и в Сербии, была достаточно известным источником права. Значит, и в средневековой Руси нормы римского права, изложенные в «Эклоге»,

могли повсеместно применяться в отношении правовой регламентации договора товарищества.

Источники права эпохи средневековья свидетельствуют о наличии двух видов наследования в праве всех без исключения славянских государств – по закону и по завещанию. Наследование по закону действовало тогда, когда наследодатель не оставлял завещания.

Основа средневекового наследственного права Болгарии, Сербии, Моравии (Чехия), Великого княжества Литовского и русских княжеств базировалась на правовых нормах, изложенных в титуле VII славянской «Эклоге». Славянской «Эклогге» известны следующие группы законных наследников, которые последовательно призывались к наследованию имущества.

К первой группе наследников относятся нисходящие родственники – сыновья, дочери, а также внуки – дети сыновей и дочерей наследодателя, умерших ранее его. Ко второй группе наследников относятся родители. К третьей группе наследников относятся полнокровные братья и сестры, т. е. такие братья и сестры, у которых с наследодателем один и тот же отец и одна и та же мать, а также другие восходящие родственники. Полнокровные братья и сестры исключаются из числа наследников при наличии родителей умершего, но они конкурируют с дедом и бабкой. К четвертой группе наследников относятся единокровные и единоутробные братья и сестры, т. е. такие братья и сестры, которые имеют общего с наследодателем отца, но разных матерей или общую мать, но разных отцов. Эти братья и сестры наследуют только в том случае, если у наследодателя нет полнокровных братьев и сестер. К пятой группе относятся остальные родственники по боковой линии. Здесь более близкий родственник по боковой линии исключает более далекого. Дядя исключает из наследования двоюродного брата. Двоюродный брат исключает троюродных братьев и сестер и т. д. [15, с. 129–130].

Если у наследодателя не было родственников, тогда наследство делилось между его женой и церковью или бедными. При отсутствии жены у наследодателя его имущество переходило в собственность церкви или королевской казны.

Другим видом наследования является наследование по завещанию. По «Эклогге», которая в части наследования по завещанию воспроизводит нормы римского права, наследование по завещанию имеет приоритет перед наследованием по закону. К наследованию по закону обращались только в том случае, если наследодатель не оставлял

юридически действительного завещания (ст. 1 титула VIII славянской «Эклоги») [15, с. 130–131].

Приоритет наследования по завещанию перед наследованием по закону является проявлением неограниченной власти частного собственника. Частная собственность дает возможность собственнику распоряжаться имуществом как ему угодно не только при жизни, но и после смерти. «Эклога» является источником права зарождающегося феодализма. Она воспроизводит нормы законодательства Юстиниана. По мере утверждения феодальных отношений законодатель сохранил это положение, отражавшее интересы и чаяния господствующего класса, ибо серьезных опасений, что феодал своим завещанием лишит наследства своих законных наследников, не существовало. Кроме того, подобную опасность исключали и нормы наследования по закону. Характерной в этом отношении является правоприменительная практика в средневековом сербском государстве. Например, из материалов описания имущества монастыря св. Богородицы в Тетове (1346 г.) видно, что многие крестьяне завещали монастырю свои земельные наделы. В архиве Дубровницкой общины сохранилось завещание Медича, сына Николина из Жерновичской группы (Далматия) от 1392 г. [26, с. 51]. Эти данные позволяют сделать заключение, что институт завещания был достаточно хорошо известен в средневековой Сербии.

При этом отметим, что посредством завещания наследодатель лучше всего выражал свою волю по вопросу о разделе его имущества между его законными наследниками; он делал некоторые распоряжения и о дарении в пользу других лиц, но, как правило, соблюдал нормы наследования по закону. Это является основанием для понимания того, что нормы «Эклоги», касающиеся наследования среди представителей господствующего класса, были сохранены, а для зависимых крестьян (крепостных) был установлен ряд ограничений.

Славянская, как и византийская «Эклога», знает письменное и устное завещание (ст. 2, 3, титул V) [13, с. 52; 15, с. 130]. Ее нормы не требуют, чтобы содержание завещания состояло из торжественных слов, как это предусматривалось древним римским правом. «Эклога», однако, настоятельно требует, чтобы завещание было составлено в присутствии определенного числа свидетелей. Их участие необходимо для признания действительности завещания. Таков порядок осуществления завещания, предписываемый законодателем. Несоблюдение его делает завещания недействительными. Согласно нормам «Эклоги» для действительности завещания требовалось участие семи

свидетелей при его составлении (ст. 4 титула V славянской «Эклоги») [15, с. 127]. Если завещание составлялось тяжело раненным во время войны, то для его действительности достаточно было двух свидетелей (ст. 8 титула V «Эклоги»; ст. 7 титула V славянской «Эклоги») [13, с. 53; 15, с. 128].

Для того чтобы завещание было действительным, «Эклога» предъявляет определенные требования к завещателю. Она предусматривает, что составлять завещание не могут: умалишенные, несовершеннолетние (лица мужского пола, не достигшие 15 лет, и лица женского пола, не достигшие 13 лет), находящиеся в плену, подвластные (кроме завещания своих личных вещей) и глухонемые от рождения.

Наследник по закону или по завещанию, принявший наследство, считался продолжателем личности наследодателя. Право наследодателя на собственность и на истребование долгов предоставлялось наследнику. С другой стороны, смерть наследодателя не погашала его долгов. Кредиторы наследодателя были наделены правом на удовлетворение своих требований. Наследники были обязаны погасить долги наследодателя.

При этом следует учитывать важную особенность. Если наследник составил предварительную опись имущества, приобретая право на наследство, то он отвечал только в пределах реально унаследованного имущества и не обязан был оплачивать долги наследодателя за счет своего личного имущества. Однако, если наследник не составил предварительно опись унаследованного имущества, то он обязан был оплатить все долги наследодателя независимо от того, достаточно или недостаточно было получено им наследства для покрытия долгов наследодателя. Данное положение трактуется в «Эклоге» следующим образом: «Если же <...> окажется, что часть некоторых долгов он уплатил, то он должен уплатить и другие, так как не определил принятое имущество надлежащей описью» (ст. 9 титула VI «Эклоги»; ст. 3 титула VII Славянской «Эклоги») [13, с. 55; 15, с. 130].

Говоря об обязанностях наследника, необходимо подчеркнуть, что он должен был точно выполнить все распоряжения, сделанные наследодателем, т. е. те распоряжения завещания, посредством которых наследодатель предоставлял определенным лицам те или иные имущественные блага. При этом рецепция норм римского права позволила средневековому сербскому наследователю в одностороннем порядке аннулировать свое распоряжение в отношении избранного им наследника или круга наследников. Данная правовая норма вступала в

силу в следующих случаях: если одаряемый оказался неблагодарным, если он нанес также оскорбления или побои дарителю (читать как «наследодателю»), если он причинил наследодателю большое несчастье, если он участвовал в заговоре против жизни наследодателя, если он не выполнил условий, на которых было совершено указанное действие. Наряду с наследниками сербское средневековое право знало и институт частичных правопреемников. Частичный правопреемник в отличие от универсального правопреемника (наследника) не приобретал всего наследства или его определенной части, охватывающей имущественные права и обязательства. Он приобретал только конкретно определенное имущество.

Свободная реализация права о завещании наследства невозможна в условиях феодального общества. В его реализации господствующий класс усматривает подрыв основ феодальной собственности; отсюда и защита своих представителей, которые оказались лишенными права на наследство. Именно поэтому еще в «Эклоге», а затем и в славянской ее редакции (ст. 6 титула V) была заложена правовая норма о законной доле наследства, на которую завещатель не имеет права посягать своим завещанием. Эта законная доля при наличии 1–4 детей составляет 33 % наследства, а при наличии 5 и более детей – 50 % наследства. И только в том случае, если нисходящие родственники проявили неблагодарность в отношении своих родителей (нанесли им тяжкие оскорбления или отказались заботиться о них в старости), то они лишались права на законную долю наследства [15, с. 127–128].

Заключение. Развитие феодальных отношений в славянских государствах стимулировало процесс совершенствования института наследственного права, равно как и гражданского права в целом. Однако в XIV в. данный процесс в Болгарии и Сербии был прерван вследствие агрессии Османской империи в отношении южнославянских государств. Насильственное включение Болгарии и Сербии в состав Турецкой империи означало на практике ликвидацию системы славянского права в этих странах.

Таким образом, анализ основных институтов гражданского права свидетельствует о том, что в средневековых славянских странах – Болгарии, Русском государстве, Сербии, Чехии и Великом княжестве Литовском – шел процесс становления отечественного гражданского права на основе традиций классического римского частного права. При этом нормы римского частного права были не слепо скопированы славянскими законодателями, а творчески переработаны и допол-

нены с учетом реалий жизни феодального общества. Данный подход позволил вышеперечисленным странам сформировать свои отечественные правовые системы, базирующиеся не только на нормах римского права, но и самобытных славянских правовых источниках: «Законе Судном людем» (865 г.), «Русской Правде» (1016 г.), «Законнике короля Карла I» («Majestas Carolina», 1355 г.), «Законнике Стефана Душана» (1349 г.), «Псковской судной грамоте» (1397 г.), русском Судебнике 1497 г. и Статуте Великого княжества Литовского 1529 г.

Список использованных источников

1. *Ђорђевић, Р. Д.* Обелиск из Ксантоса: Законик правних, обичајних и моралних начела Срба / Р. Д. Ђорђевић. – Ниш: Сербона, 2003. – 95 с.
2. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку // Полное собрание русских летописей. – Т. 1. – 2-е изд. – Л.: АН СССР, 1926. – 286 с.
3. *Андреев, М. Н.* История на българската държава и право / М. Н. Андреев, Д. С. Ангелов. – 2-ро прераб. и доп. изд. – София: Наука и изкуство, 1959. – 416 с.
4. *Новаковић, С.* Средњовековна Србија и римско право / С. Новаковић // Архив за правне и друштвене науке. – 1906. – Књ. 1. – С. 209–226.
5. *Новаковић, С.* Матије Властара Синтагмат азбучни зборник византијских црквених и државних закона и правила, словенски превод времена Душанова / С. Новаковић. – Београд: Српска краљевска академија, 1907. – 621 с.
6. *Соловјев, А.* Значај византиског права на Балкану / А. Соловјев // Годишњица. – 1928. – Књ. XXVII. – С. 95–141.
7. *Bilý, J. L.* Právní dějiny na území České Republiky / J. L. Bilý. – Praha: Vydalo Linde Praha, 20003. – 474 s.
8. *Ванечек, В.* История государства и права Чехословакии / В. Ванечек. М.: Юрид. лит., 1981. – 504 с.
9. *Розенкампфъ, Г. А.* Обзорніе кормчей книги въ историческомъ видѣ / Г. А. Розенкампфъ. – М.: Общество истории и древностей российских при Императорскомъ Московскомъ университетѣ, 1829. – 154 с.
10. *Срезневскій, И. И.* Древніе памятники русскаго письма и языка (X–XIV вѣковъ) / И. И. Срезневскій. – Второе изд. – СПб.: Императорская академія наукъ, 1882. – 390 с.
11. *Щапов, Я. Н.* Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. / Я. Н. Щапов. – М.: Наука, 1978. – 292 с.
12. *Ермолович, В. И.* Рецепция норм римского права в правовую систему Великого княжества Литовского / В. И. Ермолович // Белорусская государственность и развитие национальной правовой системы: от Статута 1588 года до современной Конституции. – Минск: Веды, 2008. – С. 37–39.
13. Эклога. Византийский законодательный свод VIII века / Вступ. ст., пер., коммент. Е. Э. Липшиц. – М.: Наука, 1965. – 226 с.
14. *Ермолович, В. И.* Источники феодального права южнославянских народов / В. И. Ермолович // Правовые системы: история и современность: материалы меж-

вуз. науч.-практ. конф., Минск, 5–6 января 2001 г. / Белорус. гос. экономический ун-т; редкол.: В. А. Витушко [и др.]. – Минск, 2001. – С.44–49.

15. *Бобчевъ, С. С.* Старобългарски правни паметници / С. С. Бобчевъ. – Ч. 1. – София: Печатница на П. М. Базайтовъ, 1903. – 176 с.

16. *Андреев, М.* История Болгарского государства и права / М. Андреев, Д. Ангелов. – М.: Издательство иностранной литературы, 1962. – 456 с.

17. Закон Судный людем пространной и сводной редакции / под ред. М. Н. Тихомирова. – М.: АН СССР, 1961. – 281 с.

18. Архив Югославской академии наук и искусств в г. Загребе. Фонд 3. – Опись 1. – Дело 9. Законоправило или Номоканон Светога Савве. Иловички препис 1262 година. – 400 с.

19. Библиотека Литовской академии наук. – Ф. 19. – Оп. 1. – Ег. хр. № 243. Белорусская «Кормчая книга». Жировицкий список 1609 г. – 735 с.

20. Фонды Государственного исторического музея г. Москвы. – Инвентарный номер коллекции 322/445.

21. *Юхо, И. А.* Правовое положение населения Белоруссии в XVI в. / И. А. Юхо. – Минск: Изд-во БГУ, 1978. – 144 с.

22. *Дунин, К.* О мазовецкомъ правъ. Магистерская диссертация / К. Дунин. – Ч. 1. – Варшава, 1876. – 246 с.

23. *Płaza, S.* Historię prawa w Polsce na tle porównawczym / S. Płaza. – Cz. 1. – Wyd. 2-e poprawione. – Kraków: Księgarnia Akademicka, 2002. – 630 s.

24. Саксонское зеркало. Памятник, комментарии, исследования / под ред. академика АН УССР В. М. Корецкого. – М.: Наука, 1985. – 272 с.

25. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. – Т. 2. – М.: Юрид. лит., 1985. – 520 с.

26. *Ермолович, В. И.* Право средневековой Сербии (XII–XV вв.) / В. И. Ермолович. – Минск: БГЭУ, 2003. – 119 с.

27. Радојчић, Н. Српски рукопис земљорадничког закона / Н. Радојчић // Зборник радова Византолошког института Српска академија наука. Кн. 3. – Београд, 1955. – С. 15–27.

28. Византийский Земледельческий закон / под ред. И. П. Медведева. – Л.: Наука, 1984. – 280 с.

29. Древняя редакция «Закона царя Юстиниана. По Ходошскому списку XV в. // Памятники законодательной деятельности Душана царя Сербов и Греков: Хрисовулы. Сербский Законник. Сборники византийских законов / Т. Д. Флоринский. – Киев: Императорский университет Св. Владимира, 1888. – С. 204–211.

30. Дигесты Юстиниана // Памятники римского права. – М.: Зерцало, 1997. – С. 153–598.

31. *Фрейденберг, М. М.* Деревня и городская жизнь в Далмации XIII–XV вв. / М. М. Фрейденберг. – Калинин: Калининский государственный университет, 1972. – 254 с.

32. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. – Т. 1: Законодательство Древней Руси. – М.: Юрид. лит., 1984. – 432 с.